

М. А. Смирнова

**Оценочные значения описательных глагольно-именных оборотов
в эпистолярных текстах конца XIX – начала XX в.
(на материале писем М. А. Волошина, В. Т. Шаламова, Б. Л. Пастернака)**

В статье рассматриваются оценочные значения атрибутивных распространителей описательных глагольно-именных оборотов в эпистолярных текстах конца XIX – начала XX в. Анализируются описательные глагольно-именные обороты в письмах М. А. Волошина, В. Т. Шаламова, Б. Л. Пастернака – авторов, чьи тексты наиболее достоверно отражают основные направления развития русского литературного языка. Особое внимание уделяется продуктивным моделям описательных глагольно-именных оборотов. Атрибутивные распространители группируются по трем типам в зависимости от вида характеризуемого объекта, точки зрения на определенный аспект объекта, от мотивации оценки. Дается краткий обзор основных особенностей эпистолярных текстов конца XIX – начала XX в., таких как установление свободной манеры общения, снижение стандартизации и др. Анализу подвергаются оценочные значения местоимений. Рассматривается распространение описательных глагольно-именных оборотов с помощью придаточных предложений. Отмечается возможность структурных трансформаций спрягаемых форм описательных глагольно-именных оборотов. Обосновывается роль описательных глагольно-именных оборотов в совершенствовании эпистолярного текста рассматриваемого периода. Делается вывод о том, что оценочные значения, возникающие в конструкциях устойчивой структуры, отражают главную особенность эпистолярных текстов – сочетание книжности и разговорности.

Ключевые слова: описательный глагольно-именный оборот, оценочные значения, атрибутивные распространители, эпистолярный текст, письмо, оценка, речевой штамп, сенсорные оценки, сублимированные оценки, аналитизм, местоимение, структурные трансформации.

М. А. Smirnova

**Estimated Meanings of Descriptive Verb-and-Noun Phrases in Epistolary Texts
of the end of XIX – the beginning of the XX century
(on material of M. A. Voloshin, V. T. Shalamov, B. L. Pasternak's letters)**

The evaluation meanings of attributive disseminators of verb-and-noun phrases in the epistolary texts of the late XIX – early XX centuries are considered in the article. The verb-and-noun phrases are analyzed in letters of Voloshin, Shalamov and Pasternak – the authors, whose texts most reliably reflect the main directions of development of the Russian literary language. Particular attention is paid to the productive models of verb-and-noun phrases. Attributive disseminators are grouped into three types depending on the type of the characterized object, the point of view on a particular aspect of the object, the evaluation's motivation. A brief overview of the main features of the epistolary texts of the late XIX – early XX centuries, such as the establishment of a free style of communication, standardization reducing, etc., is given. Evaluation meanings of pronouns are analyzed. The propagation of verb-and-noun phrases with the help of subordinate sentences are considered. The possibility of structural transformations of conjugated forms of verb-and-noun phrases is pointed. The role of verb-and-noun phrases to improve the epistolary text in the period under review is substantiated. The conclusion is that evaluation meanings in constructions with a stable structure reflect the main feature of epistolary texts, the combination of the literary and colloquial language.

Keywords: verb-and-noun phrases, evaluation meanings, attributive disseminators, an epistolary text, a letter, evaluation, clichés, sensory evaluations, sublimated evaluations, analitism, pronoun, structural transformations.

Эпистолярные тексты конца XIX – начала XX в. значимы для развития русского литературного языка. В рассматриваемый период личная переписка не только была одним из важнейших способов письменного общения (письма широко функционировали и по силе общественного воздействия практически приравнивались к художественной литературе), но и являлась ярким показателем происходящих в языке изменений: окончательного разрушения книжной системы речи, установления свободной манеры общения.

В период XIX–XX вв. происходит расширение границ литературного языка. В письмах утверждается установка на «разговорность». Повышается эмоциональность и оценочность речи, снижается стандартизация. Выразительность и оценочность текстов связана с употреблением острых, экспрессивных фразеологиче-

ских выражений [7, с. 18]. Большой частью их употребление объясняется необходимостью передачи дружеской иронии, создания стилистической тональности приятельской болтовни.

В письмах активно употребляются описательные глагольно-именные обороты (ОГИО) – синтаксические образования, основанные на «несвободном употреблении глагола-призрака (лишенного определенного вещественного значения), семантически неделимые, обладающие всеми категориальными и формальными признаками глагола (значение процесса; формы спряжения и вида)»: *вести расследование, давать совет, делать ошибку, выразить беспокойство* и т. д. [6, с. 239]. Инвариантными признаками ОГИО являются подчинительная связь между компонентами, грамматизация глагольного значения и проницаемость [4, с. 206].

Высокая частотность их употребления свойственна не только для эпистолярных текстов, но именно письмо своей близостью к устной речи позволяет проследить существенные изменения, происходившие в языке в конце XIX – начале XX в.

Язык эпистолярных текстов образованных людей, в первую очередь писателей, с большой достоверностью отражает основные направления эволюции русского литературного языка.

Процесс разрушения книжной системы речи был показателен; в употреблении сниженных слов, в семантической словесной и фразовой игре авторы переписки, владеющие образцовым литературным языком, видели средство и способы не только стилизации, но и создания демократичного по составу средств воплощения эпистолярного текста [7, с. 24].

В совершенствовании эпистолярного текста в данный период нельзя отрицать большую роль ОГИО, которые интересны структурной и семантической неоднородностью, своеобразным несоответствием формальной и смысловой структуры. Структура ОГИО, конструкций, близких исторически к речевым штампам, содержит широкие возможности для выражения оценки. В состав ОГИО могут включаться стилистически различные слова, и в этом отношении интересно проследить их выразительные особенности, специфику соотношения книжности и разговорности в конструкциях, традиционно считавшихся устойчивыми, семантически целостными сочетаниями.

Атрибутивные распространители ОГИО выражают разнообразие оценочные значения в зависимости от вида характеризуемого объекта, от точки зрения на определенный аспект объекта, от мотивации оценки.

Например, для ОГИО *ставить задачу, иметь значение, оказать услугу* характерно распространение прилагательным *большой*. Ср.: *Еще раз я горячо благодарю Вас за письмо. Вы ставите передо мной большие и высокие задачи* (В. Т. Шаламов – Б. Л. Пастернаку 24–XII–52 Кюбюма); *До свиданья, дорогой Борис Викторович. Ответа от Вас я, конечно, не жду. Но если Вы хотите мне оказать большую услугу, то пришлите мне пачку французских газет, журналов и книг, освещающих внутреннюю жизнь Европы, ведь тут мы живем в полной изоляции, и это самое тяжелое* (М. А. Волошин – Б. В. Савинкову 28 сент<ября> (11 окт. н. ст.) 1920 Коктебель); *...целых полтора года мы не встречались, и порой думается, видел ли я Вас вообще. Для меня слишком большое значение имели те немногие встречи с Вами, чтобы я мог к ним относиться равнодушно* (В. Т. Шаламов – Б. Л. Пастернаку 22 мая 1955 Туркмен). Во всех предложениях прилагательные выражают положительную субъективную оценку, характеризуют ситуацию с точки зрения субъекта. Субъект во всех случаях – конкретное лицо. Н. Д. Арутюнова называет данный тип **сенсорными** оценками, связанными с ощущениями, чувственным опытом – физическим или психическим. Оценка прямо истекает из того ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля, испытывает человек.

Предикаты этой группы, независимо от того, к чему они относятся, характеризуют в большей мере вкусы субъекта оценки (человека), чем ее объект. Субъект оценки выступает в этом случае как психический или физический рецептор [1, с. 198].

Приведенные выше примеры относятся также к сочетаниям, соотносительным со шкалой по степени интенсивности, или по признаку много/мало. Признаки могут двигаться по нарастающей/убывающей. Оценочная шкала динамична, она развертывается в двух направлениях – в сторону увеличения и в сторону уменьшения количества данного признака [2, с. 49]. Предложения, соответствующие этой шкале, различаются по принципу положительной или отрицательной характеристики. Давать отрицательную характеристику могут прилагательные, обозначающие и большое, и малое количество признака. Положительная же характеристика отличается полным преобладанием прилагательных *большой, огромный, огромнейший*, выражающих высокую степень проявления признака.

Прилагательные, распространяющие ОГИО, могут содержать **сублимированные** (эстетические или этические) оценки. Сублимированные оценки возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируя» их [1, с. 199]: *Вы слишком много чувствуете и понимаете от природы и пережили слишком чувствительные удары, чтобы можно было замкнуться в одни суждения о Ваших данных, о Вашей одаренности. С другой стороны, слишком немолодо и немилостиво наше время, чтобы можно было прилагать к сделанному только эти облегченные мерилы* (Б. Л. Пастернак – В. Т. Шаламову 9 июля 1952). В предложениях данной группы отражаются субъективные отношения, впечатления, чувства человека по отношению, как правило, к художественному объекту: *Есть другая поэзия – оперирующая арифметическими величинами, когда читательской работы не требуется и приводится цифровая выкладка, дается однократное и тем самым не вечное, а временное решение задачи. Примеров этой второй, арифметической поэзии приводить не надо* (В. Т. Шаламов – Б. Л. Пастернаку 25 мая 1953 Томтор); *Подлинная поэзия предстает как некий алгебраический ряд, алгебраическая задача, куда каждый читатель может вносить свою арифметику, делать свои жизненные, арифметические подстановки* (В. Т. Шаламов – Б. Л. Пастернаку 25 мая 1953 Томтор). В обоих предложениях поэзия сравнивается с арифметикой, алгебраическими задачами, и читатель, обращаясь к поэзии, словно решает подобную задачу.

Имена прилагательные в составе ОГИО способны выражать оценки, связанные с **практической деятельностью**, практическими интересами и повседневным опытом человека. Их основные критерии: физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствие установленному стандарту. Это те ценности, которые принято считать относительными. Представления об относительных ценностях формируются в ходе практической деятельности человека.

Они предназначены для того, чтобы упорядочивать, облегчать и регулировать эту деятельность [1, с. 200]: *А теперь поблагодарим нацию, школы, миллионные населения городов, тысячи профессий за то, что они создали такие удобные, легко постижимые понятия и, выработав такой точный и содержательный язык, тем самым **приняли благосклонное участие** в этом интимном объяснении, и **принесли, так сказать, посылную помощь**, и простимся прежними развешившимися родственниками* (Б. Л. Пастернак – О. М. Фрейденберг Москва, 26.VII.1910); *Да мы видели на вокзале... Одним словом, как будто это не люди, а овощи, которые были **подвергнуты последовательной пересадке** из местности в местность* (Б. Л. Пастернак – А. О. и О. М. Фрейденберг Москва <19 августа(?)1910>). В первом предложении ОГИО *приняли благосклонное участие* можно отнести к оценкам сенсорным, поскольку субъектом выражается положительное отношение к действию: ср.: *благосклонный* – ‘доброжелательно расположенный к кому-, чему-либо; оказывающий внимание, ласково снисходительный к кому-либо’ [БАС I: 492]. ОГИО *принесли посылную помощь* является примером оценок, связанных с практической деятельностью человека, телеологических оценок. Прилагательное *посильный* характеризует действие с точки зрения эффективности, целесообразности, успешности осуществления: ‘соразмерный с силами, возможностями’ [БАС X: 1473].

Интересен следующий пример, содержащий два ОГИО в одном контексте: *Сейчас для России **необходимее всего деятели практические, умеющие преодолеть всякую собственную политическую идеологию ради реальных потребностей страны. Врангель до сих пор производит впечатление такого. Все его распоряжения и действия носят характер истинной политической мудрости*** (М. А. Волошин – Б. В. Савинкову 28 сент<ября> (11 окт. н. ст.) 1920 Коктебель). ОГИО *производит впечатление такого* включает в себя указательное местоимение *такой*, отсылающее к предшествующему предложению, которое содержит соответствующую характеристику объекта. Таким образом, ОГИО дает оценку объекту с помощью целого предложения. Сочетание *производит впечатление* выражает модально-оценочное значение, аналогичное связкам *казаться, показаться, представляться, считаться*, которые указывают на состояние, признак предмета в чем-либо представлении, причем этот признак является постоянным для предмета, а не случайным, как результат воздействия этого предмета на субъект. В данном примере ОГИО *произвести впечатление* в сочетании с местоимением характеризует лицо. ОГИО *произвести впечатление* относится к связкам, в которых «значение подлинности восприятия признака допускает сомнение, то есть имеет элемент мнимости, кажимости» [5, с. 151]. Превращение данного оборота в связку отражает тенденцию к аналитизму русского языка.

ОГИО *носить характер (чего-либо)* соотносителен по внешним формальным признакам с трехсловными (и более) глагольными сочетаниями, однако функционально они тоже двучленны: например, *носить беспо-*

койный характер = *быть/казаться/являться* беспокойным. ОГИО представляет интерес ввиду необычного распределения вещественного и грамматического значений. Взаимоотношения между семантическим и грамматическим центрами носят аналитический характер. Количество конструктивных компонентов, организующих структуру ОГИО, может равняться трем и более, однако функционально эти обороты двучленны. Ср.: *носит творческий характер – является творческим; принимает однотонную, серую окраску – становится однотонным, серым* [3, с. 138].

Особенностью таких структур является существительное с общим, очень широким значением (*характер*), имеющие при себе обязательный распространитель – зависимое прилагательное или существительное. В таких конструкциях семантическим центром выступает не именной член – существительное с общим лексическим значением, а обязательный распространитель, который уточняет значение этого существительного и является, таким образом, конкретным выражением вещественного значения ОГИО. В примере из письма М. А. Волошина ОГИО состоит из нескольких компонентов: *носят характер истинной политической мудрости* и тем самым в компактной форме дает исчерпывающую характеристику объекта – совершаемого действия. При этом дается оценка именному компоненту ОГИО *мудрость: истинная – действительная, настоящая, несомненная* [БАС V: 537], *политическая* – ‘основывающаяся на политике, связанная с вопросами политики’ [БАС X: 1001]. Таким образом, на одном примере можно увидеть, что в составе одного ОГИО содержится всесторонняя эмоциональная субъективная оценка.

В определенном контексте оценочные значения способны выражать местоимения, распространяющие ОГИО. Ср.: *Деятельностью я **не принимал никакого участия** в Революции, если не считать того, что всеми силами, поскольку это было в моих возможностях, мешал истреблению одних русских людей другими* (М. А. Волошин – Б. В. Савинкову 28 сент<ября> (11 окт. н. ст.) 1920 Коктебель). Местоимение *никакой* с предшествующим отрицанием *не принимал* выражает категоричность отрицания [РСС I: 32].

Оценочное значение свойственно местоимению *некоторый*. Ср.: *Я пришел в литературу со своими запросами живости и яркости, отчасти сказавшимися в первой редакции книги «Поверх барьеров» (1917 г.). Но и она **претерпела уже некоторые искажения*** (Б. Л. Пастернак – В. Т. Шаламову 9 июля 1952). Ср.: *некоторый* – ‘какой-то, точно не определенный’ [РСС I: 32]. Нельзя говорить о том, что характеризующее объект местоимение указывает на незначительность, поскольку в существительном *искажения* изначально заложена информация о переименовании, порче [БАС V: 433] и присутствует резко негативная оценка. Распространитель, проникая в структуру ОГИО *претерпеть искажения*, смягчает отрицательную окраску и категоричность, усиливая значение неточности.

Местоимение *какой-то* вносит в высказывание с ОГИО оттенок неопределенности: *Каждый человек в*

16 лет дает себе какие-то клятвы, какие-то обещания. Иными они забываются, иными не забываются (В. Т. Шаламов – Б. Л. Пастернаку 12 июля 1956 Туркмен). Ср.: *какой-то* – ‘неопределенный по признаку, свойству, качеству, а также вообще неизвестно какой’ [РСС I: 31]. Эту характеристику усиливает повторение данного местоимения рядом с именными компонентами ОГИО.

Оценочная характеристика объекта может быть выражена прилагательным в сочетании с местоимением: *Простите меня, что я пишу Вам все эти грустные вещи, мне хотелось бы, чтоб Вы получили сколько-нибудь правильное представление о том значительном и отменном, чем окрашен почти 20-летний период – пятилеток больших строек «держаний и достижений»* (В. Т. Шаламов – Б. Л. Пастернаку 8 января 1956 Туркмен). Местоимение *сколько-нибудь* подчеркивает неточность, неопределенность характеристики: ‘какое-нибудь неопределенное, обычно незначительное, количество’ [РСС I: 33]. Количественное числительное употребляется рядом с качественным прилагательным *правильное*, указывая на некоторое ограничение данного признака.

Оценочные значения, возникающие в высказываниях с ОГИО, отражают главную особенность эпистолярных текстов – сочетание книжности и разговорности. Специфика этого соотношения заключена в ОГИО, в их структурных, семантических, прагматических свойствах. ОГИО в эпистолярных текстах являются средством экспрессивного выражения состояния, эмоционального отношения субъекта к предметам и явлениям действительности.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и Мир Человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Касьянова, Л. Н. К вопросу о синтаксической форме сказуемого, выраженного описательными глагольно-именными оборотами [Текст] / Л. Н. Касьянова // Лингвистический сборник: Проблемы русского языкознания. Вып. 5. – М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1976. – С. 129–143.
4. Лагузова, Е. Н. Описательный глагольно-именный оборот как единица номинации [Текст] / Е. Н. Лагузова. – М.: МГОУ, 2003. – 243 с.

5. Лекант, П. А. Грамматические категории слова и предложения [Текст] / П. А. Лекант. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 215 с.

6. Лекант, П. А. Очерки по грамматике русского языка [Текст] / П. А. Лекант. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 312 с.

7. Лешутина, И. А. Константы и переменные русской «почтовой прозы» первой трети XIX столетия [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Лешутина И. А.; Московский гос. обл. ун-т. – М., 2006. – 34 с.

Лексикографические источники

1. Словарь современного русского литературного языка [Текст]: [в 17 т.] / [С. П. Обнорский и др.] : под ред. В. И. Чернышева. – М., Л.: АН СССР, 1948–1965 (БАС).
2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Текст]: [в 4 т.] / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М., Ин-т рус. яз. РАН; 2002. – Т. I. – 807 с. (РСС).

Bibliograficheski spisok

1. Arutjunova, N. D. Jazyk i Mir Cheloveka [Tekst] / N. D. Arutjunova. – 2-e izd., ispr. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.
2. Vol'f, E. M. Funkcional'naja semantika ocenki [Tekst] / E. M. Vol'f. – 2-e izd., dop. – M.: Editorial URSS, 2002. – 280 s.
3. Kas'janova, L. N. K voprosu o sintaksicheskoj forme skazuemogo, vyrazhennogo opisatel'nymi glagol'no-imennymi oborotami [Tekst] / L. N. Kas'janova // Lingvisticheskij sbornik: Problemy russkogo jazykoznanija. Vyp. 5. – M.: MOPI im. N. K. Krupskoj, 1976. – S. 129–143.
4. Laguzova, E. N. Opisatel'nyj glagol'no-imennoj oborot kak edinica nominacii [Tekst] / E. N. Laguzova. – M.: MGOU, 2003. – 243 s.
5. Lekant, P. A. Grammaticheskie kategorii slova i predlozhenija [Tekst] / P. A. Lekant. – M.: Izd-vo MGOU, 2007. – 215 s.
6. Lekant, P. A. Oчерки по грамматике русского языка [Текст] / P. A. Lekant. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 312 с.
7. Leshutina, I. A. Konstanty i peremennye russkoj «pochtovoj prozy» pervoj treti XIX stoletija [Tekst]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01 / Leshutina I. A.; Moskovskij gos. obl. un-t. – М., 2006. – 34 s.

Leksikograficheskie istochniki

1. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Tekst]: [v 17 t.] / [S. P. Obnorskij i dr.]: pod red. V. I. Chernysheva. – M., L.: AN SSSR, 1948–1965 (BAS).
2. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovij slovar', sistematizirovannij po klassam slov i znachenij [Tekst]: [v 4 t.] / pod obshhej red. N. Ju. Shvedovoj. – М., In-t rus. jaz. РАН; 2002. – Т. I. – 807 s. (RSS).